

М **Сергей**
МОНОМАРЕНКО

СЕДЬМАЯ СВЕЧА

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
П56

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Татьяна Коровина*

- © Пономаренко С. А.,
2001, 2008
- © Книжный Клуб
«Клуб Семейного
Досуга», издание на
русском языке, 2008,
2011
- © Книжный Клуб
«Клуб Семейного
Досуга», художест-
венное оформле-
ние, 2008

ISBN 978-966-14-1639-9 (PDF)

Милый друг, вы наивны! Самое современное ружье ночью в саванне не гарантирует того, что через мгновение вы из охотника не превратитесь в жертву. В этом глубокий смысл жизни: заглатывая кого-либо, не забудь оглянуться назад — может, и тебе уготовлено уютное местечко в чьем-то желудке.

Из африкано-полтавских побасенок

ПРОЛОГ

Первая четверть луны, после полуночи

Мягкий свет от множества свечей, расположенных вдоль стен, отражался от них, расплываясь, преломляясь в замкнутом пространстве, обволакивая две странные фигуры в белых балахонах. В узком длинном помещении, насыщенном запахами ладана и расплавленного воска, находились две высокие женщины, лица которых были едва различимы в полумраке.

— Твое желание твердо и сердце не будет помехой в его исполнении? — спросила женщина постарше властно, но в то же время с нотками болезненности в голосе.

— Сердце молчит, когда на плечах есть голова, — улыбнулась вторая женщина, — старое платье сжигают, а в новом норвят побыстрее покрасоваться. Ведь ты сама много раз проходила через это...

— С возрастом становятся мудрее и в прошлом видят множество ошибок, которых ранее не замечали, — возразила первая женщина.

— Нет, — не согласилась вторая. — Смиреннее. Ошибок в прошлом нет. Когда ты их совершаешь, ты другая, не та, которая вдруг замечает их и на-

чинает анализировать. Просто со временем мы меняемся: прогибаемся там, где раньше не гнулись, становимся нетерпимее, где раньше прощали. Только зачем эти вопросы, ведь сегодня седьмой, заключительный сеанс, и тогда он станет мягким как воск и я вылеплю из него все, что захочу.

— Воск прилипает, и его трудно оторвать.

— Но зато легко соскоблить.

— Ты разжигашь пламя, в котором можешь опалить крылышки. Трудно возбудить любовь, но еще труднее в нужный момент ее погасить. Неразлучные подруги — любовь и ревность, антипод любви — ненависть. Это страшные силы, они могут выйти из-под контроля. Что ты будешь делать, когда тебе это уже не будет нужно?

— А что делают со свечой, когда не требуется ее огонек? Ее гасят, а огарок либо прячут, либо выбрасывают. Приступаем?

— Тебе виднее.

Первая женщина достала из корзинки, находящейся у ее ног, маленького черного котенка и омыла его в глиняной миске, стоящей на резной деревянной тумбочке. Котенок слабо пищал, но не пытался вырваться. Когда его окурили ладаном, он чихнул. Первая женщина произнесла: «Всемогущий вечный Боже! Самодержец земли! Очисти и освяти Своей доблестью эту жертву, чтобы истекающая из нее кровь была Тебе приятна, так как Твоею милостью я имею власть по своему желанию убить ее или оставить жить. Ниспошли же Свое благословение жертве. Аминь».

Вторая женщина, достав из тумбочки длинный нож, быстро резанула котенка по горлу, и тот за-

хлебнулся кровью. Приняв тельце в свои руки, она окропила комнату по четырем углам, немного крови спустила в ту миску, в которой омывала котенка, и вода окрасилась в бледно-розовый цвет.

Первая женщина произнесла:

— Всемогущий милосердный Бог Моисея, Бог Авраама, Бог Иакова! Освяти это место и очисти его пролитием крови этой чистой жертвы, а вы, ангелы и духи, придите и соберите кровь, чтобы преподнести ее высшему Богу. Аминь.

Вторая женщина достала лоскут кожи, на котором было что-то написано, поцеловала его и сказала: «Мельхидаэль, Барехас». Она положила его на пол, наступив на него ступней правой ноги, опустилась на левое колено и быстро зашептала:

— Кланяюсь тебе и умоляю, прекрасная Луна и восхитительная звезда, заклинаю светом огня, находящегося у меня в руках, воздухом, мною вдыхаемым, воздухом, находящимся во мне, землею, на которой я стою; заклинаю именами Князей духов, первенствующих на тебе под неизреченным именем «ОН», все создавших, и тобою, прекрасный ангел Габриэль, вместе с князем Меркурием, Михаэлем и Мельхидаэлем; вновь заклинаю вас всеми именами Бога, чтобы вы прислали осаждать, мучить, терзать: тело, душу, дух и все пять чувств, чтобы он пришел ко мне исполнить мою волю; чтобы ни к кому не привязался в мире, кроме меня. Если он будет равнодушен ко мне, то чтобы он страдал, мучился и терзался. Идите скорее, Мельхидаэль, Барехас, Хазель, Фириэль, Мильха и все прочие, заклинаю вас именем Бога-живого — пришлите его ко мне немедленно

исполнить мою волю. А я обещаю вас удовлетворить.

Закончив, она тяжело поднялась, словно это заклинание забрало все силы, достала из тумбочки и поставила на кожаный лоскут более темную, чем остальные, свечу и зажгла ее.

— Теперь он твой, и только смерть разлучит вас. Его смерть, — устало сказала первая женщина.

Вторая не ответила — она неотрывно смотрела на огонек свечи и что-то тихо шептала про себя.

1

Деревянные ворота, покрашенные веселой зеленой краской, были открыты настежь, и Глеб, не останавливаясь, въехал прямо во двор. Он здесь бывал редко, и каждый раз теща не разрешала ему заезжать во двор, заросший бархатистой травкой, поучала, что нельзя ездить на машине по живому. Сейчас он, к своему удивлению, увидел, что, несмотря на позднюю осеннюю пору, когда у деревьев вовсю позолотилась листва, трава все еще имела темный, бутылочно-зеленый цвет, лишь кое-где слегка тронутый желтизной. Сморщенное в осеннем насморке небо, словно старушка-плакальщица, которая никак не может разразиться слезами скорби по отошедшим в мир иной, вызывало желание поскорее дожить до следующего лета, жгучую потребность в тепле огня и солнца.

Несмотря на вероятность близкого дождя, во дворе уже были выставлены длинные, потемневшие от времени столы из некрашенных досок и такие же лавки, казавшиеся грубыми и нелепыми рядом с ухоженным, свежавыкрашенным домиком. Столь дикое сочетание объяснялось неординарными событиями, имеющими только одну первопричину — отсутствие хозяйки. Глеб узнал

о случившемся из утреннего телефонного звонка. Ему до сих пор не верилось, что эта высокая, худощавая и моложавая для своих лет женщина — старухой ее никак нельзя было назвать — вдруг отправилась в свое последнее путешествие, и теперь где-то рядом парит ее неутомная душа, возмущаясь беспорядками, возникшими за столь непродолжительное время отсутствия хозяйки дома.

Вдруг рядом раздались странные звуки, заставившие Глеба вздрогнуть, — это Ольга, его жена, удивительно спокойно воспринявшая известие о смерти матери, только теперь начала всхлипывать, а потом зарыдала. Высокая, спортивного сложения, страстная любительница мини-юбок, с задиристо рассыпающейся копной рыжих волос, обрамляющих худощавое лицо с небольшим изящным носиком, с вызывающе-дерзким взглядом зеленых глаз, ни при каких обстоятельствах не теряющая самообладания, Оля в одно мгновение неузнаваемо изменилась, как-то поблекла и съежилась. Когда она, внезапно постаревшая, сторбившаяся, конвульсивно содрогаясь в плаче, кутаясь в черный платок, выходила из машины, в ней было трудно узнать спокойную молодую двадцатидевятилетнюю женщину, которая всю дорогу слушала развлекательные передачи радио «Европа-плюс». К ней бросилось несколько пожилых женщин, и их причитающие голоса слились в скорбном хоре, оплакивая безвременно ушедшую бабу Ульяну.

«Впрочем, почему безвременно? Дожила до восьмидесяти лет, мне бы достичь этого рубежа», — подумал Глеб и начал разгружать багажник. Жен-

щины, как по команде, перестали причитать и с любопытством окружили быстро растущую гору пакетов и сумок с продуктами. Ольга, снова спокойная и рассудительная, деловито распоряжалась, показывала, куда нести овощи, куда мясо, а куда рыбу. Глеб вошел в дом. Там набилось много народу, в основном женщины среднего возраста и старше. В комнате царил полумрак — окна были закрыты ставнями, и только с десяток свечей разгоняли темноту. Пахло расплавленным воском и еще чем-то тяжелым, удушающим, отчего першило в горле и хотелось прокашляться. Ульяна, мать Оли (отчество ее за два с половиной года супружества Глеб так и не запомнил), лежала в большой проходной комнате на диване. Тонкие черты ее лица, при жизни энергичного, слегка смуглого, еще больше заострились, но в то же время лицо стало мягче, просветлело. Вот только волосы заметно поредели, стала пробиваться седина. Спокойствие, бесконечное спокойствие вечности исходило от нее.

Глеб неуклюже перекрестился, скорее машинально. У изголовья дивана стояла маленькая рыженькая колобкообразная женщина и громко причитала, непрерывно теребя концы повязанного на голове покойницы цветного платка. Глеб попробовал сосредоточиться на мыслях о покойнице, но это ему плохо удалось. Так случилось, что с тещей за два года, прошедшие после свадьбы, он виделся всего несколько раз, и их приезды сюда обычно заканчивались ссорами с женой. Нет, теща не была сварливой женщиной, скорее очень властной, хотя и умной. Дом содержала в чистоте, хозяйство — в порядке, со всем справлялась сама, без мужчины.

Отец Оли умер много лет тому назад, осталась его фотография — мужчина средних лет с широко открытыми глазами, в темном двубортном пиджаке в полоску. У тещи были черные пронзительные глаза и, несмотря на возраст, черные волосы, завязанные в пучок на макушке, в которых Глеб лишь сейчас заметил седину. Она не походила на забитую сельскую старушенцию, одевалась по-городскому, здраво рассуждала на любую тему, имела привычку во время разговора пристально, не мигая, смотреть собеседнику в глаза, словно пытаясь вывернуть его наизнанку. В свой первый приезд он попытался выдержать ее взгляд, а ей, казалось, только это и надо было. Своеобразная дуэль длилась несколько минут, в течение которых она монотонно рассказывала о сельских буднях, как вдруг неожиданно прервала свое повествование и обратилась к нему: «Глебушка, а у тебя с той рыжей и щербатой когда закончится? Ты же теперь в законном браке с Олечкой. И женщина та вроде бы замужняя?»

Глеб замер, так как сразу понял, о ком идет речь — о Зинке из соседнего отдела, имеющей длинные рыжие волосы, пышную грудь и небольшую щербинку между зубами «а-ля Пугачева». «Но откуда старая карга об этом дозналась, сидя в селе за семьдесят километров от нашего дома и ни разу у нас не побывав?» — всполошился он. Тогда он попытался свести все к шутке, но Оля восприняла слова матери серьезно и начала допрашивать его с пристрастием. После этого он старался не испытывать судьбу — не встречаться взглядом с тещей, но та все равно провоцировала его на это, и в итоге многое тайное становилось явным,

и каждый раз затем следовала семейная ссора. Поэтому он решил больше не ездить к теще.

Задумавшись, Глеб не заметил, как в комнату вошла Оля, и теперь она рыдала, склонившись на грудь матери. Кто-то принес табуретку, и Олю усадили возле гроба. Приход Оли воодушевил рыженькую старушку-плакальщицу, и она стала особенно усердно, с надрывом, причитать, за несколько минут едва не доведя Олю до истерики. Глебу было жаль жену, но он не решался подойти к ней, чтобы увести от гроба матери. Раздался громкий шепот, который ветерком пронесся по комнате: «Певчие идут! Певчие идут!»

Три старушки в темных одеждах, преисполненные достоинства, важно прошествовали сквозь людскую толпу, словно и не было никого в комнате. Их белые строгие лица, оттеняемые черными платочками, при изменчивом свете свечей казались восковыми и как бы парили в пространстве, создавая ощущение явившихся взорам умерших душ. Они были настолько похожими, будто прошли строгий отбор по росту и телосложению. Сменив у изголовья растаявшую в темноте плакальщицу и словно повинувшись невидимому дирижеру, они все в один и тот же миг запели псалом. Несмотря на то что пели в один голос, их голоса сохраняли индивидуальность и переплетались, то сливаясь, то вновь расходясь. Мелодия слов без музыки завораживала не смыслом, а именно звучанием и уносила мысли в неизвестность, далеко-далеко, откуда не было возврата. И тогда зазвучал в полную силу более высокий голос средней старушки, поражая своей чистотой, заставляя осознать брен-